

54. Юлия (1883—1957) — врач, член РСДРП(б) с 1903 г. Ее фактический муж — писатель Сергей Терентьевич Семенов (1868—1922).	33
55. Антонина Рюрикова (ум. до 1905 г.).	33
56. Николай Рюриков (1882—1957). Его первая жена — Зинаида Ивановна, вторая — Анна Амфилохиевна.	33
57. Александр Рюриков (1892—1980) — заслуженный врач РСФСР. Его первая жена — Мария Тимофеевна Нартова (1892—1926), вторая — Евгения Федоровна Баторина (1891—1982).	34

6-е колено

58. Сын — Порфирьев.	36
59. Татьяна (1891—1984).	36
60. Юрий Порфирьев (1898—1947 или 1948).	36
61. Лидия.	44
62. Наталья (род. 1900). Ее муж — Николай Павлович Аносов (1900—1962), дирижер.	44
63. Татьяна.	44
64. Геннадий Рождественский.	44
65. Александр Рождественский.	44
66. Галина.	44
67. Виктор Рождественский (ум. в 1970 г.).	44
68. Ольга (1891 (?)—1901).	45
69. Александра.	51
70. Лидия (1908 (?)—до 1917 г.).	54
71. Борис Рюриков (1909—1969) — критик, партийный работник. Его жена — Мария Антоновна Прокопович — артистка.	54
72. Зоя. От первого брака.	56
73. Александр Рюриков (род. 1917). От первого брака. Инженер. Его жена — Валентина Федоровна Будька (род. 1923 г.)	57
74. Геннадий Рождественский (род. 1931 г.) — дирижер.	62

И. М. БОБОВИЧ

**ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО
ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Специальные статистические обследования сельского хозяйства в виде сельскохозяйственных переписей, охватывающих всю страну и учитывающих все ее земельные хозяйства, начали проводиться в России только в годы первой мировой войны. Для изучения экономического и социального развития крестьянской деревни более раннего, пореформенного периода одним из основных источников являются материалы земской статистики. Соответствующая группировка погубернских и поуездных данных о крестьянском хозяйствовании, отсутствовавшая в самих земских публикациях, позволяет проследить переход крестьянского сельскохозяйственного производства от натурального к товарному,

процесс, характерный для второй половины XIX в. и до сих пор почти не анализировавшийся на основе земской статистики. Петербургская губерния представляет особый интерес для решения поставленной задачи, поскольку здесь буржуазная перестройка крестьянского хозяйства чрезвычайно ускорилась быстрым развитием сосредоточенной в столице крупной капиталистической промышленности. «...Образование промышленных центров, увеличение их числа и притяжение ими населения, — писал В. И. Ленин, — не может не оказывать самого глубокого влияния на весь строй деревни, не может не вызывать роста торгового и капиталистического земледелия».¹

Развитие крестьянского товарного производства в губерниях, возглавлявшихся промышленными центрами всероссийского значения и прежде всего крупнейшим в стране столичным городом Петербургом, сразу же после отмены крепостного права стало привлекать внимание официальных правительственных органов, земских и общественных организаций, ученых-исследователей. Публиковавшиеся во второй половине XIX в. капитальные ведомственные издания, главным образом издания Министерства земледелия и государственных имуществ и Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, основываясь на принятой в то время схеме экономического районирования, относили Петербургскую губернию к Северо-Западному административно-географическому району, или так называемому Приозерному краю. В район под тем или другим названием включались Петербургская, Новгородская и Псковская губернии и в некоторых изданиях Олонецкая.² В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» впервые в истории проводившихся в России экономических исследований стал анализировать столичные губернии, Петербургскую и Московскую, в качестве особых экономических районов вообще и районов торгового земледелия в частности.³ Ленинские принципы районирования получили дальнейшее развитие в работах советских историков. Правомерность выделения столичного типа аграрной структуры повышает значение источниковедческой базы по вопросам товарного производства в крестьянских хозяйствах Петербургской губернии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 25.

² Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д. А. Тимирязева. СПб., 1883, т. 1; Сельское и лесное хозяйство России: Всемирная Колумбова выставка в Чикаго. СПб., 1893; Производительные силы России / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1896; Россия в конце XIX века / Под общей ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900; Статистика по-земельной собственности и населенных мест Европейской России: По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел по поручению Статистического совета. СПб., 1880—1885, вып. 1—8; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902—1906, вып. 1—3; Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под общим руков. П. П. Семенова и Л. П. Ламаанского. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900, и др.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 564.

К источникам, наиболее насыщенным информацией экономического и социального звучания, относятся издававшиеся Петербургским земством «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии». «Материалы...» издавались отдельными выпусками, посвященными крестьянскому хозяйствованию в каждом из образовавших губернию уездов.⁴ Вып. I — «Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде» — был опубликован в 1882 г. Вслед за ним на протяжении 1885—1896 гг. под аналогичными названиями были выпущены в свет результаты обследований Шлиссельбургского, Ямбургского, Гдовского, Петербургского, Лужского, Царскосельского и Новолadoжского уездов. Каждый выпуск был результатом обработки статистико-экономических сведений, собиравшихся уездными земскими органами, широко привлекавшими для этой работы народных учителей и другую местную разночинную интеллигенцию. На основе программ, разработанных статистиками Петербургской земской управы, обследователи составляли подворные описи, в которые заносились данные о личном составе каждого крестьянского двора, его землевладении, аренде, ассортименте выращиваемых сельскохозяйственных культур, количестве скота, о занятиях промыслами и т. д. Достаточную достоверность подворных описей обеспечивал способ собиравания сведений — на сельских сходах, у всех на виду, когда в неточные ответы присутствующими немедленно вносились соответствующие поправки. Неизбежные все же при опросах пробелы и недостатки восполнялись заполнением так называемых «общинных листков», в которые обследователи стремились заносить факты из крестьянской экономической жизни, наиболее трудно поддающиеся регистрации: о величине заработков от различного рода промыслов, о размерах и способах сбыта сельскохозяйственной продукции и проч. Информация поступала в петербургское земство и, окончательно обрабатывая его статистиками, издавалась в виде названных выше поуездных выпусков. Все выпуски содержат подробные описания крестьянских хозяйств уезда, и их оглавления, включающие разделы об историческом прошлом уезда, его территории и населении, крестьянском землевладении и структуре сельскохозяйственного хозяйства, скотоводстве, отраслевом содержании крестьянских промыслов, свидетельствуют о единообразии, которого придерживались авторы в сборе статистических и фактических сведений. Текстуальные части сопровождались приложениями

⁴ Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. I. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882; вып. II. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде, 1885; вып. III. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде, 1885; вып. IV. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде, 1886; вып. V. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде, 1886, ч. I; 1887, ч. II; вып. VI. Крестьянское хозяйство в Лужском уезде, 1889; вып. VII. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде, 1892; вып. VIII. Крестьянское хозяйство в Новолadoжском уезде, 1896, ч. I, II. — Далее: Материалы.

в виде таблиц, составленных погодно и отражающих динамику демографических и экономических показателей. К «Материалам...» по Петербургскому, Лужскому и Новолодожскому уездам приложения оказались настолько обширными, что соответствующие выпуски были изданы в двух частях.

«Материалы...» отличают две важные особенности историографического плана. Первая состоит в сюжетной близости с вышедшими почти одновременно в свет изданиями Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел и Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ. Крупнейшие издания Центрального статистического комитета 1880-х гг. — восьмитомная «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России»⁵ и публикация такого же объема «Волости и важнейшие селения Европейской России»,⁶ содержащие подробные сведения о наделном и частном крестьянском землевладении по всем европейским губерниям страны, — дополняют и уточняют цифровые и фактические данные по этим вопросам «Материалов по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии».

В 1880-х — начале 1900-х гг. публиковались сборники Министерства земледелия и государственных имуществ — «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев». Сведения собирались по программе, разработанной профессором И. А. Стебутом, и поступали от помещиков и крестьян — корреспондентов Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики министерства, от земств и сельскохозяйственных обществ. Сборники состояли из поочередно издававшихся выпусков, посвященных отдельным отраслям сельского хозяйства России — зерновому производству, картофелеводству, травосеянию, садоводству, агротехнической оснащенности земледелия и урожайности сельскохозяйственных культур как конечному результату хозяйственной деятельности.⁷ Отраслевой в общегосударственном масштабе аспект исследований, предпринятых Министерством земледелия и государственных имуществ, и региональный, в губернском разрезе, анализ тех же вопросов в «Материалах по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии» позволяют сочетать сведения обоих изданий методом группировок, подтверждающим источниковедческое значение «Материалов...».

Вторая особенность «Материалов...» состоит почти в отсутствии их доисториографической стадии. Еще до окончания выхода

⁵ См.: Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России: Источниковедческое исследование по переписи 1877—1878 гг. М., 1981.

⁶ См.: Панин Л. П. «Списки населенных мест Российской империи» как исторический источник. — Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960; Тарасюк Д. А. «Волости и важнейшие селения Европейской России» как исторический источник. — История СССР, 1973, № 5, с. 73—82.

⁷ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1884—1905, вып. 1—12.

в свет всех выпусков они стали вводиться в научный оборот и применяться для социально-экономического анализа крестьянского хозяйства. Впервые земская статистика была использована с этой целью в книге И. Гурвича «Экономическое положение русской деревни».⁸ В. И. Ленин, работая над фундаментальным исследованием о развитии капитализма в России, ознакомился с результатами земских обследований тотчас по их публикациям, в значительной части на основе их данных определил направления хозяйственной специализации петербургского земледелия и сформулировал вывод об уровне его товарности, более высоком, чем центрального, московского земледелия.⁹

«Материалы по статистике пародного хозяйства в С.-Петербургской губернии» фигурируют в качестве документа в источниковедческой литературе. Экономисты-статистики З. М. и Н. А. Свамицкие в 1926 г. опубликовали капитальный труд о земских подворных переписях, проводившихся в 1880—1913 гг. по всем губерниям России, особо выделив в нем итоги 1880—1890-х гг. Выявлению соответствующих показателей по столичной губернии служили материалы петербургского земства.¹⁰ Сведения поуездных итогов в таблицы, характеризующие демографические и экономические показатели крестьянских хозяйств в целом по губернии, и источниковедческие экскурсии по вопросам подворных переписей, содержащиеся во вводных авторских статьях, определяют ценность исследования З. М. и Н. А. Свамицких. К сожалению, социальные процессы, отличающие пореформенную деревню, почти не получили отражения в «своде». В этом смысле указанный труд делает по сравнению со статистикой петербургского земства известный шаг назад.

Земскую статистику, собиравшую по всей России массу «превосходных» сведений о крестьянских хозяйствах, В. И. Ленин называл «великолепной по тщательности работы и детальности ее». Но считал необходимой такую обработку ее данных, чтобы «получался ответ... на все вопросы, указанные или намеченные более чем полувековым анализом пореформенной экономики», чтобы с помощью групповых и комбинационных таблиц можно было бы проследить процесс развития капитализма «во всех его разветвлениях и формах»,¹¹ и высказал мнение, что для решения таких задач «предпочтительнее» пользоваться сводом данных

⁸ Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1896. — Назвав книгу «прекрасной работой», В. И. Ленин отметил, что «падо удивляться тому искусству, с каким г. Гурвич обработал земско-статистические сборники, не дающие комбинационных таблиц о группах крестьян по хозяйственной состоятельности» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 174).

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 274, 275, 302—304. — См. также: Ленин В. И. Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России». М., 1970.

¹⁰ Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: Поуездные итоги / Сост. З. М. и Н. А. Свамицкие. М., 1926.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 276, 277.

земской статистики по какому-либо одному району «с однородными хозяйственными условиями».¹² Источником, позволяющим изучать пореформенное крестьянское хозяйство в районе именно с такими условиями, являются издания петербургского земства.

Во всех восьми выпусках «Материалов...» рассмотрению отраслевой структуры и специализации крестьянского хозяйства предпосылаются очерки географо-демографических условий того или иного уезда (почв, климата, водных и лесных ресурсов, населения по его поло-возрастному составу, грамотности и проч.), характера и уровня развития транспортных коммуникаций (водных и железнодорожных путей), расположения уезда на административной карте губернии и др.¹³ Инфраструктурные характеристики весьма ценны для изучения масштабов и характера влияния, оказывавшегося Петербургом на отраслевую структуру сельскохозяйственного производства губернии, на размеры товарности одних культур и потребительскую значимость других, на усиление или ослабление этих параметров в зависимости от близости или отдаленности того или иного уезда от столичного рынка. Под этим углом зрения в поуездных очерках построены разделы о полеводческих хозяйствах.

Структурные сдвиги, происходившие в пореформенный период в полеводческом хозяйстве губернии, авторы всех очерков объясняют требованиями столичного рынка. «Петербургский рынок требует овса, картофеля, сена, молока и конной рабочей силы. К этим требованиям приравнивается полеводство подстоличных местностей», — говорится в очерке крестьянского хозяйства Петербургского уезда.¹⁴ «Близость столицы, — указывается в очерке о Царскосельском уезде, — разрушила исконную форму зернового производства, основанную на потреблении семьи, и вызвала производство для рынка».¹⁵ В этом плане по «Материалам...» прослеживаются основные тенденции.

1. Сокращение в общем объеме крестьянского земельного фонда удельного веса пахотных земель. Из поуездных описаний очевидно, что чем ближе расположен тот или иной уезд к столице, тем отчетливее проявляется указанная тенденция. Поуездные сравнения размеров пашни, измеряемых в десятинах на одну наличную мужскую душу, сосредоточены в выпуске о Петербург-

¹² Там же, т. 1, с. 4.

¹³ Уже отмечавшаяся сюжетная близость земских и ведомственных публикаций отчетливо наблюдается в указанных разделах поуездных выпусков «Материалов...» и в издании Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (Список населенных мест по сведениям 1862 года. Вып. XXXVII. С.-Петербургская губерния. СПб., 1864). Издание Центрального статистического комитета содержит аналогичный экономико-географический обзор, в отличие от «Материалов...» сделанный по губернии в целом, и административную карту губернии, служащую необходимым пособием для поуездного изучения крестьянского товарного производства.

¹⁴ Материалы, вып. V, ч. II, с. 168.

¹⁵ Там же, вып. VII, с. 158.

ском уезде, занимавшем по этому показателю (0,5 дес.) последнее место в губернии. Сопоставив его с данными по Петергофскому (1,3 дес.), Ямбургскому (1,4 дес.), Гдовскому (1,8 дес.) и другим уездам, можно получить картину по губернии, а путем сравнения с результатами статистических обследований других районов России можно подтвердить низкий уровень земледельческого хозяйства в столичных местностях. Не менее важны и текстовые указания. Так, авторы очерка о Царскосельском уезде, основываясь на подворных переписях, сообщали о случаях отказа крестьян от земледельческих работ вообще и обоснованно называли такие беспосевные хозяйства (более трети домохозяев) «частым явлением».

2. Вытеснение продовольственной культуры — ржи фуражной культурой — овсом. Повсеместное в губернии, оно обнаруживает те же поуездные отметки. В Петербургском уезде, например, из 100 дес. пашни на рожь приходилось лишь 12,9 дес., а на овес — почти половина — 45,3. Близкое соотношение обнаруживают Петергофский и Шлиссельбургский уезды, где овсом из 100 дес. пашни засевалось соответственно 36,0 и 39,9 дес. Только в двух уездах — Гдовском и Новолодожском, — относительно менее тесно связанных с Петербургом, ржи сеяли больше, чем овса. Однако, как отмечали авторы соответствующих выпусков, здесь рожь выращивалась исключительно для домашнего потребления и покрытия хозяйственных нужд, и сравнительно большие посевы отнюдь не свидетельствовали о товарном назначении культуры.

3. Интенсивное развитие картофелеводства. «Материалы...» свидетельствуют, что, решительно оттесняя зерновые культуры, особенно рожь, картофель во всей губернии изменял в свою пользу соотношение полевых угодий. В конце столетия в Ямбургском, Царскосельском и Петергофском уездах он занимал по размерам посевных площадей первое место, в Петербургском и Лужском уездах уступал только овсу. В поуездных очерках отсутствует оценка картофеля как товарной культуры, прогрессивной с точки зрения структуры капиталистического земледелия, — земские обследователи вообще больше описывали, чем оценивали явления хозяйственной жизни. Но их указания на связанные с картофелем и овсом нововведения в полеводческом хозяйстве подводят читателя к такой оценке. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет тезис «Материалов...» о роли этих культур в разрушении исконного трехполья,¹⁶ начавшемся в конце XIX в. переходе отдельных крестьянских хозяйств к многопольным севооборотам и появлению, особенно в уездах, наиболее связанных с петербургским рынком, постоянных, вне-севооборотных и ежегодно удобряемых картофельных полей. За-

¹⁶ В 1860-х гг. крупнейший русский агроном А. В. Советов писал, что «начиная с Петербургской губернии» почти вся Европейская Россия держится трехпольной системы (Советов А. В. О системах земледелия. — Избр. соч. М., 1950, с. 323).

фиксируемая земскими обследователями связь между ростом товарных культур и начавшейся ломкой севооборота подтверждается описаниями и таблицами ведомственных публикаций.¹⁷

Изменения в отраслевой структуре полеводческого хозяйства все же не оказывали, как свидетельствует информация источника, сколько-нибудь существенного влияния на социально-экономический строй деревни столичной губернии. Хотя овсом и картофелем торговали «все», эти отрасли трактуются как семейное товарное производство, в «Материалах...» не встречаются в связи с ними упоминания о крупном предпринимательстве, применении наемного труда, об аренде или покупке земли. Объяснения авторы очерков усматривают в недостаточной конкурентоспособности продуктов петербургского полеводства с аналогичными продуктами, поступавшими на столичный рынок из черноземных и прибалтийских губерний.

К иным выводам подводят разделы поуездных выпусков, посвященные специализированным отраслям крестьянского хозяйства губернии — огородничеству и молочному скотоводству.

По «Материалам...» легко прослеживается географическое размещение по губернии специализированных отраслей и влияние на уровень их развития столичного рынка: концентрация огородничества в наиболее близких к столице уездах и волостях; тяготение к столице торгового животноводства и его специализация в близлежащих уездах на молочном, а в более отдаленных — на телятническом направлениях; прямая зависимость от столичного спроса ассортимента продукции; определяемый рыночным назначением более высокий уровень интенсификации специализированных отраслей, например сочетание огородничества с семеноводством, молочного скотоводства с травосеянием, более эффективные методы содержания и откорма скота в молочных хозяйствах и т. п.

Особое значение источника и его преимущество по сравнению с ведомственными публикациями состоит в отчетливо выраженном внимании к социальной структуре сельскохозяйственного производства региона, в особенности его специализированных отраслей. В изданиях Центрального статистического комитета и Министерства земледелия и государственных имуществ зачастую помещалось больше данных производственного и историко-отраслевого характера, информация социального характера в них почти отсутствует.¹⁸ Напротив, земские обследователи не только констатировали наличие различных по состоятельности групп сельского населения, но и подкрепляли эти сообщения необходимыми для

¹⁷ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. VII. Возделывание картофеля в Европейской России. СПб., 1897, с. 47, 62—65; вып. XII. Состояние травосеяния в России. СПб., 1905, с. 344—345, табл.

¹⁸ См., напр.: Производительные силы России. Отд. III. Скотоводство. Отд. IV. Садоводство, плодоводство и огородничество.

статистики цифрами. Так, в разделах об огородничестве и садоводстве приводятся сведения о количестве огородников-хозяев и огородников-батраков (например, в Петербургском уезде первых насчитывалось 113, а вторых — 684, в Шлиссельбургском — соответственно 166 и 811), о предпринимательском доходе и оплате наемного труда (в Петербургском уезде их среднегодовые размеры определялись в 3185 руб. и 119 руб.)¹⁹ и т. д. Такого рода данные — основа для построения комбинационных таблиц, подтверждающих товарный характер производства и соответственно глубоко зашедший в столичной губернии к концу XIX в. процесс разложения крестьянства. В книге «Развитие капитализма в России» именно петербургская земская статистика послужила В. И. Ленину для доказательства тесной связи разложения крестьянства с особой формой торгового земледелия в виде молочного хозяйства.²⁰

Для анализа крестьянского товарного производства большой интерес представляют земские материалы о землепользовании и землевладении. Цифры среднепашенного до- и пореформенного землепользования по отдельным уездам и по губернии в целом уже неоднократно приводились в литературе.²¹ Земские обследования насыщены сведениями о буржуазном землевладении, о крестьянских арендах и покупках. Текстовые части очерков и таблицы «Приложений» дают возможность, во-первых, путем сравнения арендных и купчих земель, с одной стороны, и пашенного землепользования — с другой, определить место буржуазного землевладения в общей земельной обеспеченности крестьянства губернии. Во-вторых, с помощью этих материалов можно проанализировать распределение аренд и покупок по их хозяйственному назначению: подчеркиваемое по всем уездам приобретение преимущественно лугов и пастбищ и очень незначительное пахотных земель подтверждает хозяйственно-отраслевую направленность столичной губернии как неземледельческой. В-третьих, они дают возможность определить распределение земель, приобретаемых за деньги, между социальными группами деревни; примером сосредоточения их в руках предпринимательской верхушки могут служить огородные аренды, специально подбиравшиеся по качеству почв и местоположению, приобретавшиеся на длительные сроки, очень дорогие, предназначавшиеся для организации крупного, капиталистически организованного специализированного хозяйства.

В связи с арендами земские исследователи обратили внимание на социальный состав сдатчиков земли. Известно, что в пореформенной деревне к сдаче земли в аренду вынуждены были прибегать малоимущие, обедневшие крестьяне, бывшие не в со-

¹⁹ Материалы, вып. V, ч. II, с. 253, 255; вып. VI, с. 158.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 274—275.

²¹ См., напр.: *Игнатович Н. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1902. Прил., табл. 2; Земские подворные переписи 1880—1913 г. . . , с. 4—5; *Тарасюк Д. А.* Поземельная собственность. . . , с. 125 и др.

стоянии ни обрабатывать надел, ни уплачивать причитающиеся с него налоги и подати. «Материалы. . .», подтверждая это общее положение, отмечают и такую особенность столичной губернии, как сдача земли под развитие специализированных отраслей главным образом другими слоями деревни, средними и даже зажиточными, ибо это был уже промысел и вследствие высоких арендных цен очень выгодный. В очерке о крестьянском хозяйстве Петербургского уезда авторы сообщали, что в 1884 г. землю под покос общей площадью 263 дес. сдали 268 хозяев и получили арендную плату в сумме 1535 руб., а под огороды — 139 хозяев, площадь этой земли была в три раза меньше, а выручили за нее в три раза больше — 4417 руб. Эти данные представлены земскими статистиками в виде групповых таблиц,²² что свидетельствует о несомненном владении ими научными методами обработки материала.

Описанию промыслов посвящены большие специальные разделы поуездных очерков «Материалов. . .». Сведения текстовых частей и цифры «Приложений», изучаемые комплексно, позволяют определить по всем уездам долю «промышляющего» населения, выявить содержание и соотношение отхожих и местных промыслов, сгруппировать распределение занятости по сферам хозяйственной деятельности и по социальному положению лиц в промысле и установить особенности, отличающие промысловую деятельность крестьянства в столичной губернии.

Общий тезис всех земских поуездных очерков состоит в том, что в Петербургской губернии земледелие не обеспечивает крестьянину необходимые средства существования и что вследствие этого решающее значение в крестьянских бюджетах принадлежит доходам от промыслов: «Промыслы во всей их совокупности перестают быть простым подспорьем и становятся главным источником существования».²³ Лейтмотив соответствующих глав состоит и в том, что на занятости промыслами «очень чувствуется близость столицы». Как говорится в описании Петергофского уезда, бюджет крестьянского хозяйства «весь построен в расчете на эту близость».²⁴

Неизвестно, содержали ли программы земских обследований единое и достаточно точно сформулированное понятие промысла. Но во всех выпусках фигурируют одинаковые типы промыслов, а для отнесения той или иной отраслевой занятости к определенному типу применялись более или менее одинаковые критерии. Как и во всей историко-экономической литературе второй половины XIX в., основное типовое деление произведено по группам отхожих и местных промыслов. За основу характеристики отхожих промыслов авторами принят хозяйственный признак — степень отрыва крестьянина от сельскохозяйственных работ, мас-

²² Материалы, вып. V, ч. II, с. 148.

²³ Там же, вып. VII, с. 216.

²⁴ Там же, вып. I, с. 157.

штабы и возможности поддержания им рабочих связей с собственным хозяйством. Например, в соответствующей главе очерка о крестьянском хозяйстве в Ямбургском уезде в группу отхожих промысловиков помещены крестьяне, «работа которых связана с отлучками из села на срок или с постоянным отсутствием, постоянным жительством вне села».²⁵ Менее точно определяется понятие «местные промыслы». Однако из текста «Материалов...» очевидно, что для них определяющим был территориальный признак, занятость крестьянина в пределах своего уезда. В качестве особого, характерного для столичной губернии типа назван дворовый промысел. Этот промысел неразрывно связан с земледелием, в отличие от первых двух он прочно привязывал крестьянина к собственному хозяйству и его признаком была специализация на производстве одного или немногих видов товарной продукции.

Для текстовых и табличных частей выпусков не был принят единый принцип группировки промыслов по сферам хозяйственной деятельности. Если в текстах промыслы, типичные для того или иного уезда, группируются под рубриками «отхожие» и «местные», то в «Приложениях», преследующих цель количественных оценок промысловой занятости, они рассматриваются только по крупным видам отраслевой принадлежности с подсчетами занятости в рамках волостей и уездов. Таких крупных видов промысловой занятости все поуездные «Приложения» указывают 11: личные услуги; сельскохозяйственные работы; работа на фабриках и заводах; ремесла и кустарничество; торговля и барышничество; сбыт домашних и мелких местных продуктов; извоз; лесные промыслы; рыбные промыслы; льняные промыслы; остальные разные промыслы.²⁶

По приведенному перечню трудно судить о большей или меньшей социально-экономической значимости тех или иных промыслов для петербургского крестьянства. Но, произведя определенную перегруппировку материала и обращаясь одновременно и к описаниям, и к таблицам, можно выяснить и специфику занятости петербургских отходников, и размеры пропущивавшей ее социальной неоднородности.

В. И. Ленин, анализируя проблему отходничества крестьян европейских губерний, пришел к выводу о преобладании в конце XIX в. отхода неземледельческого и «замечательную особенность России» усматривал в том, что в ней немалая часть сельского населения должна быть отнесена к населению индустриальному, добывающему себе средства к жизни работой в промышленных центрах.²⁷ Петербургские крестьяне-отходники поглощались, как

²⁵ Там же, вып. III, с. 157.

²⁶ Внутри каждого вида введены более мелкие (графовые) подразделения, детализирующие его отраслевую направленность. Например, в «Приложениях» к выпуску о Лужском уезде таких подразделений насчитывается 182.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 569.

свидетельствуют земские обследования, почти исключительно столицей (отход в уездные города был ничтожным), и их занятость отчетливо распределялась по двум основным сферам хозяйственной деятельности. Первую составляла сфера производства. Согласно поуездным данным, приток из губернии в фабрично-заводскую промышленность Петербурга был незначительным, что позволяет делать вывод о том, что в отличие от других, главным образом центрально-нечерноземных, губерний России в столичной губернии лишь небольшая часть сельского населения может быть отнесена к населению индустриальному. Напротив, в той же производственной сфере большие массы отходников привлекали сельскохозяйственные работы, главным образом обработкой огородов, расположенных как в самой столице, так и в ее специализированных в этом отношении пригородах. Авторы «Материалов...» подчеркивают, что наибольший отход на такого рода работы наблюдался в уездах, отдаленных от столицы, например в Гдовском и Лужском, и что главными участниками его были женщины, работавшие по постоянному, сроковому и особенно поденному найму.²⁸

Выявляемое источником преобладание в отхожих промыслах производственного назначения земледельческого отхода составляет первую особенность крестьянской занятости Петербургской губернии.

Тем не менее в целом петербургский регион принадлежал к группе губерний с безусловным преобладанием неземледельческого отхода.²⁹ Но определялось оно притяжением большой доли сельского населения в непроизводственную сферу столицы, в ее инфраструктуру, и это составляет вторую и очень подчеркиваемую «Материалами...» особенность внедеревенской занятости.

Поуездные описания выделяют три первостепенного значения отрасли непроизводственной сферы: личные услуги (занятость на дому у зажиточных петербургских горожан, работы по обслуживанию жилищного хозяйства столицы и предприятий общественного питания), конный извоз и торговля. Существенную черту описаний этих промыслов составляет их социальная информативность. Сравнительно мало дают в этом отношении «Приложения». В их таблицах упоминания о социально противоположных группах крестьян-промысловиков встречаются лишь дважды: в графе об отхожих сельскохозяйственных промыслах, где помещенные в нее лица обозначаются как работающие по найму, и в графе о барышничестве, хотя трактуется оно, судя по построению таблиц, не как категория капиталистического хозяйства, а как показатель профессиональной занятости. Напротив, насыщены соответствующими сведениями текстовые части очерков: разделы об извозном промысле, который характеризу-

²⁸ Материалы, вып. IV, с. 168, 386.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 574, 575.

ется в поездных очерках как чисто капиталистический,³⁰ о возглавляемых барышниками молочном и телятническом промыслах,³¹ о сосредоточении в руках деревенских предпринимателей значительной части оптовой и розничной торговли сельскохозяйственными продуктами и эксплуатации ими путем найма огромной массы малоимущих отходников³² и т. д. Обязательный учет положения лица в промысле, раскрывающий, как указывает В. И. Ленин, степень развития капиталистических отношений,³³ встречается почти во всех описаниях неземледельческих промыслов.

«Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии» — источник, рисующий очень широкую картину крестьянского товарного производства, свидетельствующий о принадлежности столичной губернии к числу главных районов торгового земледелия России второй половины XIX в.

А. В. РЕМНЕВ

ПРОБЛЕМА «УКАЗА И ЗАКОНА» В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Законодательный механизм царской России неоднократно был уже предметом изучения в советской исторической литературе. Для рассматриваемой проблемы особое значение имеет статья Б. М. Кочакова «Государственный совет и его архивные материалы», в которой уточняется роль и место Государственного совета в ряду других высших учреждений.¹ Известную традицию разработка проблем истории законодательства российского самодержавия получила на страницах «Вспомогательных исторических дисциплин». Еще в 1937 г. Б. М. Кочаков в статье «Русский законодательный документ XIX—XX вв.» проанализировал источниковедческие особенности законодательных актов с учетом специфики структуры высшего государственного управления царизма.² Б. М. Кочаков впервые ввел в научный оборот архивный материал, связанный с попытками царизма упорядочить свой законодательный механизм. Рассматривая в основном значение Государственного совета в этом механизме, Б. М. Кочаков сознательно оставлял в стороне проблему отделения законов от административных постановлений.³

³⁰ Материалы, вып. I, с. 160; вып. V, ч. II, с. 293; вып. VII, с. 227.

³¹ Там же, вып. V, ч. II, с. 241; вып. VIII, с. 115.

³² Там же, вып. II, с. 216; вып. IV, с. 174; вып. VII, с. 226.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 280.

¹ Кочаков Б. М. Государственный совет и его архивные материалы. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1941, вып. 8, с. 75—104.

² Кочаков Б. М. Русский законодательный документ XIX—XX вв. — В кн.: ВИД. М.; Л., 1937, с. 319—362.

³ Кочаков Б. М. Государственный совет. . . , с. 83.